

Сирануйш Галстян

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры Истории и теории искусства Ереванского Государственного института Театра и Кинематографии (ЕГИТК).

Печатается с 1995 года. Член FIPRESCI (2000), Союза кинематографистов Армении (2007), Национальной Киноакадемии Армении (2011).

В 2002 году опубликовала сборник рассказов на армянском языке «Страницы из чужого дневника». Некоторые из них в 2003 году вошли в сборник «Современная Армянская Женская Литература» (на русском языке).

В 2011 году была издана монография «Взгляд на наше кино: История и настоящее» (на армянском языке). В США вышла расширенная, дополненная версия книги на английском — *Cinema of Armenia: An Overview* (Mazda Publishers, Costa Mesa, California 2016).

ПРЕВОСХОДСТВО РУИН

Бабушка Мари — моя соседка. Говорят, она была красавицей. Да и сейчас она красива. Это какая-то своеобразная, зрелая красота, которая смотрит на меня сквозь решетку морщин. Есть что-то робкое в этом взгляде красоты, есть нечто неуверенное в себе, что сдерживая себя, пытается проникнуть в сознание созерцателя.

Однажды я попросила ее показать альбом фотографий. Без колебаний бабушка Мари заявила, что у нее нет ни одной фотографии. Без какого-либо сожаления или тоски... Вопросительный знак отчетливо читался в моем взгляде: неужели все уничтожила?... Я промолчала. Внезапно она вышла в соседнюю комнату и вернулась с рамочкой в руках. Бабушка вынула фотографию, словно ей хотелось освободить ее от вынужденного пребывания в обрамлении и подержать в руках, дать почувствовать свое тепло. На нас смотрел мальчик. Я вдруг заметила, что рядом с ним кто-то стоял... Женская рука, которая скрывалась под правым боком рамки, теперь высвободившись, выдала ее тайну. Никто из соседей его ни разу не видел, но, живя за океаном, он каким-то образом остался рядом с матерью. Мне не совсем это понятно. Между тем, бабушка Мари не жалуется. Более того, всю свою жизнь посвятила чужим детям, учила их и... сама училась у них, как говорит. И вот, как-то в школе ей осторожно намекнули, что она давно уже заслужила право на отдых. Давно. Как давно? А я подумала невольно, сколько пробелов могло быть заполнено в жизни тех детей, которым бы посчастливилось узнать эту женщину, познать ее стареющую, но не тускнеющую красоту.

А бабушка Мари уверяет, что в пору молодости никто не считал ее красавицей.

— Интересно, почему меня называют бывлой красавицей! — возмущается она. — Руины всегда имеют преимущество, ореол таинственности. Воображение мчится по предполагаемым следам исчезнувшей красоты. И кому придет в голову усомниться, что, возможно, руины еще более впечатляют нас? Поезжай в Звартноц, и ты убедишься в моей правоте.

Я в оцепенении. Руины храма Звартноц — воплощение совершенства. И мой растерянный взгляд никак не тревожит ее. Хочу воспротивиться, но не в силах, словно сама превратилась в руины. А она лишь добавляет, что руины и развалины вовсе не одно и то же, на то и существуют синонимы, чтобы отличать разные оттенки значений слов. Кажется, этим разъяснением она пытается восстановить мое душевное равновесие. И внезапно сама теряет точку опоры, так как она вспоминает, что вот-вот к ней должны прийти гости:

— Представляешь, это мои ученики. Двадцать лет назад поженились, а затем уехали за границу. Теперь они здесь и хотят меня видеть.

Первый раз вижу ее в таком смятении.

Кресло-качалка все еще качается, меж тем она уже вертится на кухне. Успела даже фартук накинуть. И тут вспоминает про меня.

— Милая, ты почиштишь картошку, пока я сбегаю в соседний магазин за тортом и фруктами?

Я смиренно чищу картошку. А бабушка Мари переодевается, приводит в порядок прическу, под стать с возрастом слегка подчеркивает глаза и губы. Я с вос-

хищением смотрю на нее, машинально вращая в руках уже полностью очищенную картошку.

Уже двадцать минут, как я ее жду. Беспокоюсь. Сколько смятений за день... И всеми я обязана ей одной. Прошло еще пять минут, и что я вижу... Она вернулась словно помолодевшая. Гляжу на нее, опешившая, пытаюсь нащупать грань между реальным и кажущимся, чтоб удержаться за нее. А она, опершись на дверь, не в состоянии двинуться с места, говорит задыхаясь:

— Что это было? Виденье, что ли? Я быстро-быстро шла домой. И вдруг как будто кто-то мне велел поднять глаза и посмотреть в сторону. Боже мой! Вроде передо мной стоял отец моего Артема, точь-в-точь,

только ему было столько же, сколько тогда, когда мы расстались с ним... Понимаешь? Кто бы это мог быть? Его сын, внук? Просто двойник? Не знаю. Но я не обернулась...

Еще бы. В ее возрасте сохранить способность такого душевного трепета, вновь почувствовать забытое тепло волнения, да еще попытаться что-то выяснить или уточнить? Для нее это было бы равносильно попытке восстановить руины Звартноца. И слова, застряв в горле, словно не дают воздуху проникнуть в легкие. Бабушка Мари медленно сползает на пол. Торт, яблоки и апельсины катятся по полу, не испытывая никакого головокружения. А оказавшиеся в дверях гости кидаются вперед. Они пришли вовремя, но опоздали.

НЕ НАША «НОЧЬ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД»

Говорят, в летнюю ночь с неба падает звезда, и если успеешь загадать желание, то оно обязательно исполнится.

В одну из таких ночей, когда малыш невинно спит, мать решается рассказать ему об ужасном событии, которое произошло с ними в далекой «Ночь Святого Лоренцо».

Эта неопишуемая история воплотилась в итальянском фильме братьев Тавиани.

Факт существования таких ночей у разных народов свидетельствует о некоей общности и необъятности смысла нашего пребывания в мире.

Небо над деревней было изумительно ясным. Звезд не сосчитать — сколь и библейских песчинок. Девочка как раз на днях узнала, что предки в давние времена в этот день праздновали Новый год и звался он Навасард. В тот августовский вечер в доме бабушки она перед заходом солнца загадала желание. Слышала, что мечта сбудется, если с того момента, как только загадала, и до самого рассвета ни с кем не обмолвится ни словом. Сердце трепетало и от безмерной радости первого узнавания собственного желания, и от ожидания увидеть его исполненным. Раньше обычного времени она молча залезла в постель и из окна начала созерцать видимую через стекло часть неба с многообещающими звездами, каждая из которых, согласно теории вероятности, могла осчастливить своим падением...

— Анушик, а который час?

Бабушкин голос словно рассек молчаливое небо. Девочка просто не знала, как быть. Все перемешалось: мысли, звезды, душа... Возможно ли было разобраться? Как сохранить безмолвие?... Между тем, мечта стала казаться настолько близкой, насколько близки звезды в деревне. В городе никогда они не бывают так близки... И Ануш подумала: лучше притвориться спящей. А бабушка не привыкла, чтобы ее вопросы оставались без ответа. Она поднялась по лестнице и отворила дверь спальни.

— Ануш, что ж ты молчишь? Почему так рано легла? Неужели заболела, детка?

Ну, дорогая бабуля... И зачем только понадобилось тебе время?! Часы текут не спеша, и столь однообразны, словно время остановилось в деревне. Может, беспокоюсь именно об этом, бабушка всячески допытывалась, который час... Анушик отрицательно кивнула головой, мысленно радуясь, что, наконец, прозвучал вопрос, на который можно ответить без слов.

— Что ж тогда случилось, солнышко, почему не разговариваешь со мной? Неужто я обидела тебя?..

Анушик вновь покачала головой. Откуда было знать бедной женщине, что делают ее наивные вопросы с невинной душой внученьки! Но она решила не сдаваться...

— Ну скажи хоть что-нибудь, детка, родная! Язык проглотила, что ли? Ой, лучше бы я ослепла, чем мои глаза видели бы такое!..

На этот раз Анушик поняла, что дело все более и более усложняется и, мысленно распрощавшись с мечтой, заговорила, хотя сердце кровоточило...

— Ничего не случилось, бабушка! Не волнуйся, все в порядке.

— Тогда почему ты со мной так?.. А? За что, бессердечный ребенок?..

Анушик предпочла молча похоронить мечту. Знала заранее: если б рассказала — наверняка бы услышала, что, мол, не рано ли загадывать всякого рода желания, еще не время, и, вообще, кто в их (бабушкину) пору думал о таких вещах, никто вообще не интересовался, есть ли у них мечты, и, в конце концов, чем это забита ее голова?.. Хотя, возможно, могла бы услышать и другой ответ. Может, и смутилось бы сердце бабушки от того, что она нехотя разрушила первое осознанное, задуманное желание своей внучки. Может, она обняла бы девочку, пообещав не мешать ей ровно через год, в этот же день... Но девочка не осмелилась раскрыть тайну своего молчания и взволнованно сказала:

— Просто моя голова была занята мыслями, бабуля...

— Опять про уроки?

— Да, — впервые в жизни солгала Анушик.

В этот день она почувствовала, что немного повзрела.

А через год, в этот же день, когда у бабушки собралась вся семья, вернее, весь род, было уже не до грез. Между тем, годы летели так быстро, что уже ни одной мечте не догнать было их. Время казалось остановившимся только лишь в деревне. И пребывавшая в этом времени бабушка однажды сказала внучке:

— Золотце мое, только бы увидеть твое венчание и счастье! На свете нет ничего желаннее для меня...

Начавшееся счастье остальных внуков она уже видела. И эти слова напомнили Анушик тот далекий, не совсем молчаливый вечер. С каким трепетом она вглядывалась в небо, полное звезд! Вспомнив про свою тайную мечту, она улыбнулась и с этой улыбкой, притаившейся в глазах, вернулась в город.

... Ткань, именуемая жизнью, имеет множество переплетений, при этом, столь уместных, что можно сойти с ума. Они словно измерены и предначертаны задолго до того, как произойдут. Неким космическим расчетом, они время от времени распределяются и достаются всем. Лишь бы были замечены и не упущены. Лишь бы были осуществлены...

Улыбка из ее глаз словно переселилась в более глубокое, надежное место. А через день Анушик услышала от пожилой соседки, что заветные желания исполнятся, если на рассвете пойдешь в церковь и собственноручно ключом откроешь дверь. Однако при одном условии: с момента пробуждения и до того самого мгновения, когда окажешься у алтаря и обратишься к Всевышнему, не должна промолвить ни слова. Окрыленная новой надеждой, Анушик пошла в церковь,

чтобы попросить дать ей возможность утром отворить двери храма.

Оказалось, что ее черед наступит только через три недели... Существовали другие люди, желания которых были загаданы тремя неделями раньше.

Но самое главное, никто не превращал это в некое подобие сделки. Все делалось исключительно честно. И это тоже как будто дало ей крылья, и Ануш, с еще более искренней верой, стала ждать своего часа.

Когда этот день наступил, девушка тихо вышла из дома и направилась в сторону ближайшей церкви в центре города. Вдохнула с облегчением — ни в лифте, ни во дворе никого не встретила. На этот раз все складывалось гладко. Перешла улицу легче, чем когда-либо, так как машин в это время было мало. Дошла до здания оперного театра. Вдруг, как бы ниоткуда, перед ней возник старый крестьянин.

— Ой, девушка, милая, с добрым утром! Сам Бог тебя послал! Вот уже час, как я блуждаю, ни одной живой души не встретил, чтоб спросить. С вокзала пешком дошел сюда... мне нужен перекресток Туманяна-Ханджяна...

Сердце Анушик сжалось. Как ей быть? Может притвориться глухонемой? На всякий случай, показала, в какую сторону надо идти. Но как руками объяснить, что нужно дойти до следующего перекрестка и затем спуститься по этой улице до конца, ну а потом свернуть?.. В пантомиме с помощью жестов даются ответы на многие сложные вопросы, однако этот простой вопрос предполагал ясный ответ, состоящий из конкретных слов, и они прозвучали.

А в ответ прозвучало благословение старика:

— Дай Бог тебе здоровья и всего доброго, как ты была добра ко мне, деточка!..

Казалось, миссия отменяется. Особенно, после этих слов. Но Анушик направилась в церковь. Молча улыбку нувшись, она поздоровалась, кивнув головой. Сторож положил ключи ей в руки. Сердце стучало так сильно, что его удары словно отдавались в каждой частичке ее тела. После двух поворотов ключа дверь отворилась... Было такое чувство, словно она очутилась в сказке или, по крайней мере, еще не проснулась... Девушка подошла чуть ближе к алтарю и опустилась на колени. Впервые в жизни она испытала такое желание и тут же подчинилась этому порыву. Потом зажгла свечи и подождала, пока они полностью растаяли...

Уборщица протирала пол. Анушик постояла еще немного, поцеловала древний хачкар, перекрестилась и вышла, повернувшись лицом к изображению Св. Богоматери. А после... когда можно было заговорить? Она даже не знала и не пыталась уточнить. Теперь уже это было не важно. Ведь ей пришлось заговорить еще до того, как вошла в церковь... В конце концов, никому не известно, как отразится или проявится это нарушение условия паломничества. Тем не менее, душа как-то облегчилась — будто освободилась от груза загаданной мечты.

С этим чувством свободы и стала она жить...

ОТКРОЙТЕ, ЭТО Я!

У меня внутри есть дверь, а на ней задвижка. Иногда она передвигается, и со мной происходит чудо. Я освобождаюсь от самой себя. А в остальное время я взаперти.

Интересно, по чьему велению передвигается моя задвижка? И где находится дистанционный пульт управления? Боже, как чуждо звучит! Удаляю. Это явно не из моего словарного запаса. Стремлюсь, чтобы в моих устах звучали лишь те слова и выражения, которые существовали в дни моего детства. Если даже я их не употребляла в ту пору, то все равно каким-то образом догадывалась об их существовании. Поэтому они мне не кажутся чужими сейчас. А все остальные звучат отчужденно.

Запертая дверь. Я живу на твоём пороге. Или за тобой.

Я жила на берегу моря, в доме с белыми ставнями, которые меняли цвет ночи. Потом там стали жить другие люди, а мы — в другом городе.

Надеюсь, цвет ставней остался прежним.

Однажды мама решила навестить старых соседей.

Известное дело, люди любят копаться в прошлом, пересказывать истории, которые уже только они помнят и в которые только они верят. Кого-то прошлое не отпускает, остальным все, что произошло в прошлом, кажется уходящей сказкой. А может, прошлое по своей воле превращается в сказку. В каждом доме свои легенды. И каждый раз при пересказывании они оживают, делаются видимыми.

А мне хотелось вновь увидеть наши ставни. Они смотрели во двор и не были видны с улицы. Я незаметно для взрослых выскользнула... Первый стук был довольно робким. Никто не откликнулся. Я постучалась сильнее. Опять ни звука. Чем больше я убеждалась, что там нет никого, тем смелей и настойчивей стучала. Но дверь не отворялась. Зато мне казалось, что я избавляюсь от каких-то невидимых оков. И почти осязала как внутри меня передвигается задвижка. В тот день, стоя на пороге, я и узнала, что эта задвижка существует во мне... пока не отворилась дверь за запертой дверью.